

собие по такому мало разработанному, но чрезвычайно важному разделу турецкого языкознания, как фонетика современного турецкого литературного языка. Книга Э. В. Севортына подводит итог всему тому, что сделано в области турецкой фонетики. Дальнейшее движение в этой области связано с переходом на современные методы фонетических исследований — изучение основных вопросов фонетики турецкого языка на основе экспериментальных данных.

А. Н. Кононов

Erkki Itkonen. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen, «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXXI, Heft 3, Helsinki, 1954, стр. 149—345.

Появление работы Эрkki Итконена, посвященной столь плохо разработанной проблеме, какой является вокализм финно-угорских языков, следует всемерно приветствовать. Э. Итконен является одним из немногих специалистов, занимающихся изучением истории гласных звуков финно-угорских языков. Из-под его пера вышел уже ряд ценных работ по этому вопросу¹. Рецензируемая работа посвящена изучению истории гласных марийского и пермских языков; она содержит в себе, по существу говоря, два самостоятельных исследования (о вокализме марийского языка и о вокализме пермских языков), в известной мере объединенные фактическим языковым материалом, рассматриваемым в работе. Мы намерены коснуться в нашей рецензии лишь той части работы, в которой говорится о вокализме пермских языков, вторую часть работы (о вокализме марийского языка) мы не рассматриваем, так как считаем себя недостаточно компетентными в вопросах марийского языкознания.

Э. Итконен представляет себе систему гласных фонем первого слога допермского (vorpermisch) и общепермского (urpermisch) языка-основы в следующем виде:

Допермский				Общепермский]			
a	ä			a	ε		
o — \bar{o}	e — \bar{e}			o	ö	e	
u — \bar{u}	ü	i — \bar{i}		ø	ä	ε	
				u	i	i	

Таким образом, в допермском языке — вернее, в общеприбалтийско-пермском языке-основе (эти же гласные реконструируются для домарийского языка) — предполагается существование гласных следующих видов: долгие и краткие, переднего ряда и заднего ряда (гласных среднего ряда не было), нижнего, среднего и верхнего подъема. Из этой допермской системы гласных выработался общепермский вокализм. В общепермском языке, по мнению Итконена, произошли троякого рода изменения, которые коренным образом поколебали допермскую систему гласных: 1) исчезли различия между долгими и краткими, остались только краткие; 2) прежнее «двухрядность» гласных (заднеридные и переднеридные) заменилась «трехрядностью» — появились среднерядные гласные; 3) кроме трех ступеней подъема гласных (открытые, полузакрытые и закрытые), выработалась четвертая ступень, которая ложалась между полузакрытыми и закрытыми гласными (выражаясь нашей терминологией, появились закрытые гласные среднего подъема).

Эти две реконструируемые системы гласных (допермская и общепермская), безусловно, представляют интерес как рабочая гипотеза. Однако они обе требуют уточнения и, главное, увязки между собой, а также соответствующей аргументации предполагаемых звуковых изменений. Между тем звуковые изменения, происшедшие в допермской системе гласных и приведенные, по мнению Итконена, к общепермской звуковой системе, в рецензируемой работе не аргументированы или лишь частично (в весьма

¹ «Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen» («Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XXIX, Heft 1—3, Helsinki, 1946); «Vokaalikombinaatiot ja vartalotyypit» («Virittäjä», 1948, стр. 129—144); «Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus» (Helsinki, 1939); «A finnugor nyelvek hangsulyviszonyairól» [«Nyelvtudományi közlemények», LVI (1954. évfolyam), Budapest, 1955] и т. д.

ограниченных размерах) аргументированы. Поэтому между допермской и общепермской системами гласных получается разрыв, целая пропасть.

Чем объяснить этот разрыв? Причина разрыва между этими двумя реконструируемыми системами гласных заключается в том, что общепермская система реконструируется на основе фактов пермских диалектов, а допермская система гласных воспроизводится на основании данных прибалтийскофинско-саамских языков (и части лишь марийского и мордовского) без достаточного учета фактов пермских языков. Получается, что эти две системы поставлены друг против друга в некоторой степени искусственно.

Вокализм прибалтийскофинских языков, вне всякого сомнения, носит весьма архаический характер, за последние две тысячи лет — как показывают германские заимствования — гласные звуки этих языков мало изменились. Однако это не дает основания считать гласные, реконструируемые для прибалтийскофинского языка-основы, звуками допермского и домарийского языков, ибо в доприбалтийскофинском языке-основе в более раннюю эпоху могли произойти изменения гласных и, быть может, существенные.

Все было бы в порядке, если бы удалось установить закономерные звуковые соответствия между допермской и общепермской системами гласных. Однако в большинстве случаев нельзя установить правильного соответствия между звуками допермского и общепермского языков: один и тот же звук допермского языка обычно соответствует разным звукам общепермского языка. Например, допермское *a* соответствует общепермским *и* и закрытому *o*. Этим же звукам (*и*, *o*) общепермского языка соответствует также допермское *o*; допермское *e* соответствует общепермским *o*, *o*, *e* и т. д. (см. стр. 322—325)¹. Причины же разнобоя в звуковых соответствиях неясны. Заслуживает большого внимания попытка Э. Итконена увязать историю гласных пермских языков с вокализмом второго слога (см. стр. 278).

Нельзя считать безупречной также и общепермскую систему гласных, реконструируемую Э. Итконеном. Прежде всего необходимо сказать несколько слов о закрытых гласных среднего подъема, обозначаемых Итконеном через *o*, *o*, *e*. У нас нет уверенности в том, что в с е эти гласные имелись в общепермском языке-основе. В общепермском языке они действительно имелись. Надо быть осторожным в реконструировании этих гласных для общепермского языка потому, что в удмуртском языке имеются в целом одни и те же соответствия как общепермскими открытым *o*, *o*, *e*, так и закрытым. Может быть, в диалектах удмуртского языка в будущем удастся обнаружить различие в соответствиях коми открытым и закрытым гласным среднего ряда; в настоящее время диалекты удмуртского языка плохо изучены, поэтому трудно что-нибудь определенное сказать об этих гласных. Новые данные удмуртской диалектологии позволяют говорить лишь об одном из трех закрытых гласных — о закрытом *o* (*o*).

Мы можем говорить о двух гласных фонемах *o* общепермского языка на том основании, что в удмуртском диалекте д. Покрово-Урустаяк (по-удмуртски Урсыгурт) Бавлинского района Татарской АССР (бывш. Самарской губ., Бугулинского уезда) общепермскому открытому *o* последовательно соответствует *u*, а общепермскому закрытому *o* соответствует *ü* (*u*)². Приведем фактический языковой материал.

в.-с.-с. ³ *gbb*, ост. д. *gob* «губчатый гриб»; удм. лит. *губи*, урс. *gÿbi*; из др.-чув.

* *kõmBa*, ср. чув. *кõтBa* (Вихм.⁴), *kãmla*⁵;

в.-с.-с. *gõa*, ост. д. *gõa* «пара», к.-язьв. *gÿgÿa* «чета»; удм. лит. *кÿa*, урс. *kÿa*;

к.-язьв. *gÿr'õt-*, урс. *gor'a'õd-* «отрыгнуть»; удм. лит. *гÿр'аны*, урс. *gÿr'õny*;

к.-язьв. *gÿrelt-* «рвать», к.-язьв. *gÿrai-* «плакать», с.-с. *гораны* «плакать»; удм. лит. *гур бõрданы* «плакать навзрыд», *гуретыны* «шуметь, галдеть», урс. *gÿr бõрданы*, *gÿр'õtõny*;

в.-с.-с. *kõd*, к.-язьв. *kÿd*, ост. д. *kõd* «пьяный»; удм. лит. *кÿd*, урс. *kÿd'õm*;

в.-с.-с. *ÿkkuш*, сыкт. *ÿokkuш* «окунь»; удм. лит. *юш*, урс. *õ'ÿш*;

¹ В тексте в скобках указаны страницы рецензируемой работы.

² Данные по этому диалекту нам сообщил научный сотрудник Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (г. Ижевск) И. В. Тараканов.

³ В настоящей статье приняты следующие сокращения названий диалектов: диалекты коми языка: выч.—вычегодский, в.-с.-с.—верхнесыольский, к.-язьв.—коми-язьвинский, луз.—лузский, н.-иньв.—нижненинвенский, к.-перм.—коми-пермяцкие диалекты, с.-с.—сыольский, сыкт.—сыктывкарский, ост. д.—остальные коми-зырянские и коми-пермяцкие диалекты; урс.—урсыгуртский диалект удмуртского языка (Бавлинский р-н Тат. АССР); каз.—казанский диалект удмуртского языка.

⁴ См. Y. Wichmann, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsingfors, 1903.

⁵ См. В. Г. Егоров, Чувашско-русский словарь, 2-е изд., Чебоксары, 1954, стр. 79 [лит. л. и обл.—на чуваш. яз.].

- в.-с.-с. *кѡл'та*, сыкт. *кол'та* «сноп»; удм. лит. *культо*, урс. *кѡл'то*; из др.-чув.
 * *кѡл'тѡ*; ср. совр. чув. *кѡД'е*, *кѡД'е*, *кѡДѡ* *кѡл'те* ¹.
 в.-с.-с. *кѡра*: *кѡра дод'*, к.-перм., с.-с., луз. *кора дод'* «обитые лубом сани»; удм. лит. *кур.*, урс. *кѡр* «луб, лубок»;
 в.-с.-с. *кѡс*, к.-язьв. *кѡск*, ост. д. *кос* «поясница»; удм. лит. *кус* «поясница», урс. *кѡс-кѡртон* «пояс»;
 в.-с.-с. *лѡл*, к.-язьв. *лѡл*, ост. д. *лѡл-«длуна»*; удм. лит. *лул* «душа», урс. *лѡл*;
 к.-язьв. *лѡи*: *мал'а-лѡи* (также к.-язьв. *мои*) «пчела», к.-перм. *мои*; удм. лит. *муш*, урс. *мѡи*;
 в.-с.-с. *н'ѡл'*, к.-язьв. *н'ѡл'*, ост. д. *н'ѡл'*; удм. лит. *нѡль*, урс. *н'ѡл'* «четыре»;
 в.-с.-с. *нѡл'*, к.-язьв. *нѡл'* «открытый», удм. лит. *нѡль*, урс. *нѡл'* «открыть»;
 в.-с.-с. *ѡр*, к.-язьв. *ѡр*, ост. д. *ор* «оборваться»; удм. лит. *урѡны*, урс. *ѡронѡ*;
 в.-с.-с. *пѡж*, к.-язьв. *пѡж*, ост. д. *пѡж* «решето»; удм. лит. *пѡж*, урс. *пѡж*;
 в.-с.-с. *пѡи*, к.-язьв. *пѡи*, ост. д. *пѡи* «собака»; удм. лит. *пѡи*, урс. *пѡи*;
 в.-с.-с. *рѡй*, сыкт. *рой* «древесный мох»; удм. лит. *рѡй*, урс. *рѡй*;
 в.-с.-с. *рѡч'*, к.-язьв. *рѡч'*, ост. д. *рѡч'* «русский»; удм. лит. *рѡч*, урс. *рѡч'*;
 в.-с.-с. *с'ѡ*, ост. д. *с'ѡ* «сто»; удм. лит. *сѡ*, урс. *с'ѡ*;
 в.-с.-с. *сѡз'*, ост. д. *сѡз'*; удм. лит. *сѡз*, урс. *сѡз'* «пригоршня»;
 в.-с.-с. *сѡй*, ост. д. *сѡй* «рука от плеча до кисти»; удм. лит. *сѡй*, урс. *сѡй*;
 в.-с.-с. *с'ѡр*, сыкт. *с'ѡр* «шест для вешанья»; удм. лит. *сѡр* «насед, переключатель»;
 в.-с.-с. *тѡш*, к.-язьв. *тѡш*, ост. д. *тош* «борода»; удм. лит. *туш*, урс. *тѡш*;
 к.-язьв. *ѡрас'нѡ*, н.-иньв. *ѡрас'ны* «заниматься полкой»; удм. лит. *урѡны*, урс. *ѡронѡ* «полоть»;
 к.-язьв. *шѡм*, с.-с., выч. *шѡм* «уголь»; удм. лит. *шѡм* «сажа», урс. *шѡм*.
 Имеются отдельные исключения, когда общекоми закрытому *ѡ* в урсыгуртском соотвествует не *ѡ*, а *у*, например:
 в.-с.-с. *кѡпрѡс'* «кланяться», урс. *кѡпрѡскѡнѡ* «согнуться»;
 к.-язьв. *кѡмич'* (к.-перм. *комиз'*—Вид.) «зеленый лук», урс. *кѡмѡз'* «дикий чеснок»;
 в.-с.-с. *ѡз*, к.-язьв. *ѡз* «земляника», удм. лит. *ѡзы*, урс. *ѡзѡ*;
 в.-с.-с. *пѡда* «пеший», к.-язьв. *пѡдѡн*, сыкт. *пѡдѡн* «пешком», удм. лит. *пѡдын*, урс. *пѡдѡн*;
 в.-с.-с. *с'ѡдѡд*, к.-язьв. *с'ѡдѡд*, сыкт. *с'ѡдѡд* «дать корм скоту», удм. лит. *сѡдыны*, урс. *с'ѡдѡнѡ* «накормить»;
 в.-с.-с. *ч'ѡрѡд*, к.-язьв. *ч'ѡрѡд* «твердый, черствый», удм. лит. *чѡрѡд*, урс. *ч'ѡрѡд*.
 Приведем примеры на звуковые соответствия общекоми открытому *ѡ*:
 к.-язьв. в.-с.-с. *ѡл'*: *ѡл-ѡл'* «пузырь», удм. лит. *ѡлы*, урс. *ѡл'ѡ*;
 к.-язьв. *ѡрѡд* «крыло, плавник», удм. лит., урс. *ѡрѡд*;
 в.-с.-с. *ѡжѡм*, к.-язьв. *ѡжѡм* «лето», удм. лит., урс. *ѡжѡм*;
 к.-язьв. *ѡр* «печка», удм. лит., урс. *ѡр*;
 в.-с.-с., к.-язьв. *ѡрт*, ост. д. *ѡрт* «дом», удм. лит., урс. *ѡрт* «деревня»;
 к.-язьв. *ѡм* «привязь», удм. лит. *ѡмыны*, урс. *ѡмѡнѡ* «привязать»;
 в.-с.-с., к.-язьв. *ѡн* «цена», удм. лит., урс. *ѡн*;
 к.-язьв. *ѡрѡш* «край, ребро», удм. лит., урс. *ѡр*;
 к.-язьв. *ѡн* «сильный», удм. лит. *ѡн*, урс. *ѡн*;
 к.-язьв., н.-иньв. *ѡба* «прѡлка (ручная)», удм. лит., урс. *ѡба*; из др.-чув.
 * *ѡба* ²;
 к.-язьв. *ѡй* (в.-с.-с. *ѡй*) «лонгата», урс. *ѡй*;
 к.-язьв., в.-с.-с. *ѡк* «нога», удм. лит., урс. *ѡк*;
 к.-язьв., в.-с.-с. *ѡл* «бить нужным», удм. лит., урс. *ѡлѡ* «надо, нужно»;
 к.-язьв., в.-с.-с. *ѡр* «спросить»; урс. *ѡронѡ*;
 к.-язьв., в.-с.-с. *ѡѡ* «дело», удм. лит., урс. *ѡѡ* «причина, надобность»;
 к.-язьв. *ѡѡс* «грудь», удм. лит., урс. *ѡѡс*;
 к.-язьв., в.-с.-с. *ѡрт* «человек», удм. лит., урс. *ѡрт*;
 к.-язьв., в.-с.-с. *ѡѡ* «я не», *ѡѡ* «он не» и т. д., удм. лит., урс. *ѡѡ*, *ѡѡ*;
 к.-язьв., в.-с.-с. *ѡл* «жить», удм. лит. *ѡлыны*, урс. *ѡлынѡ*;
 к.-язьв. *ѡрѡлѡ* «ребро», удм. лит., урс. *ѡрѡлѡ* «бок»;
 к.-язьв. *ѡжѡм* (Генеп) «сосна», урс. *ѡжѡм*;
 к.-язьв. *ѡѡ* «гнездо», удм. лит., урс. *ѡѡ*;

¹ См. В. Г. Егоров, Чувашиско-русский словарь, стр. 83.

² См. У. В. Ишманов, указ соч., стр. 75—76. В современном чувашском языке этого слова нет, Вихман на основании данных других тюркских языков (татарское, киргизское, башкирское. *kaba*) и звукового соответствия чув. *ѡ(у)* // др.-тюрк. *а* воспроизводит форму чувашского слова **kaba* // **koba*.

к.-язьв., в.-с-с. *пюч*, выч. *пом* «конец», удм. лит., урс. *пум*;

к.-язьв., в.-с-с. *пюч* «жердь», урс. *пуш*;

к.-язьв. *согөн* — «мешать, перемешивать», урс. *сурано*;

к.-язьв. *сот* — «жечь», удм. лит., урс. *сут*;

к.-язьв. *торта* «приспособление для собирания обмолоченного зерна на гумне (дышло, на конце которого прибита доска)», каз. *турто*¹; из др.-чув. **торта*, ср. совр. чув. *torDa, turDa* (Вихм.).

к.-язьв. *ч'ож* «дядя по матери», удм. лит. *чуж-*, урс. *чуж*;

к.-язьв. *ч'от* — «хромать», удм. лит., урс. *ч'ут* «хромой»;

к.-язьв. *шог* «печаль, болезнь», удм. лит., урс. *шуг* «трудно, неловко»;

к.-язьв. *шонди* «солнце», удм. лит. *шунды*, урс. *шунд*;

в.-с-с. *шонд*, к.-язьв. *шонэт* «тепло», удм. лит. *шунт*, урс. *шунэт*;

к.-язьв. *шор* «ручей», удм. лит., урс. *шур* «река».

Приведенный языковой материал ясно указывает на то, что различие между открытым и закрытым *о* восходит к общепермскому языку-основе.

Косвенное указание на такое различие рассматриваемых гласных фонем дает предполагаемый оригинал заимствований: в тех чувашских заимствованиях общепермского языка, в которых мы видим общекөми закрытое *ö* и урсугуртское *ü* (в.-с-с. *көл'та* — урс. *к'ө'то* «сног»; в.-с-с. *гөб* — урс. *г'ө'би* «гриб»), в чувашском языке встречаются редуцированные гласные (чув. лит. *к'э'те, к'ө'ма*), причём эти гласные в верховом (северном, окающем) диалекте чувашского языка являются лабиализованными и восходят к лабиализованным гласным полного образования (в низовом, укающем, диалекте они давно уже делябиализовались в *ä* и *ë*)². В словах же с общекөми открытым *o* и урсугуртским *u* в чувашском языке мы находим гласные полного образования *o* или *u*, чередующиеся по диалектам (*торта* // *турта*, **коВа* // *куВа* — вероятно, в общепермский язык эти слова попали из северного *o*-диалекта древнечувашского языка).

Редуцированным гласным чувашского языка (лабиализованным *ö*, *ü* верхового диалекта и нелабиализованным *õ*, *ü* низового диалекта) в других тюркских языках соответствуют более узкие гласные (*y*, *ü*, *o*, *ö*), чем гласным полного образования *o* — *u* (верх. *o*, низ. *y*), которым в других тюркских языках соответствует широкий гласный *a*, *ä* (чув. верх. *й'дх*, чув. низ. *й'дх*, тюркск. *у* «род»; чув. верх. *к'ө'йк*, чув. низ. *к'ө'йк*, тюрк. *конук* «пена»; чув. верх. *олма*, чув. низ. *улма*, татар. *алмá* «яблоко»; чув. верх. *торта*, чув. низ. *турта*, татар., башк. *тáртá*). Повидимому, чувашский звук *o* — *u* «восходит к древнему долговому *a*, звуку *a* в сильном положении. Вероятно, звук этот был частично лабиализованным, и лабиализованность его в чувашском языке еще более усилилась по диалектам»³. Это обстоятельство позволяет сделать предположение о том, что в тех диалектах древнечувашского языка, из которых были заимствованы общепермским языком рассматриваемые нами слова, имелось двойного рода *o*: 1) закрытое *ö* (*ö*) (из общетюркского *o*, *ü*), перешедшее в современных чувашских диалектах в редуцированное *õ* (*ö*) — в верховом и *ä* (*ë*) — в низовом; 2) открытое *o* или лабиализованное *a* (из общетюркского *a*), перешедшее в современном чувашском языке в *o* (верх.) и *u* (низ.)⁴.

¹ См. В. Munkácsi, A votják nyelv szótára, füzet 1—4, Budapest, 1890—1896, [на венг. яз.].

² См. В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I, Чебоксары, 1954, стр. 71.

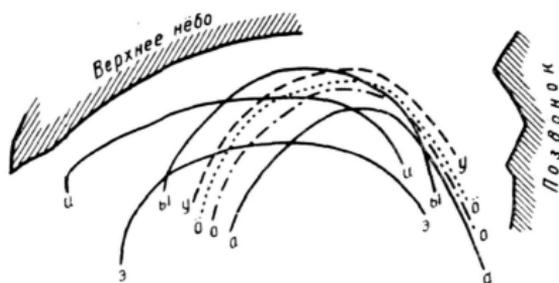
³ Г. И. Рамstedт по этому поводу пишет, что чувашское *ö ~ ü* произошло из полудолгого ударного *ä* через промежуточные стадии *ä > ä̃ > ö*, причём этот звуковой процесс (*ä > ö ~ ü*) в чувашском языке протекал позже, чем *j > s'*, *ë > s'*; однако новые татарские заимствования уже не попали под действие этого звукового закона. Рамstedт приводит также примеры: тюркск. *jaš* «слеза» = чув. *s'ül* (*s'ol*), тюркск. *jabaq* «жеребенок» = чув. *juBaх*, тюркск. *čana* «сани» = чув. *s'ula*, каз. *čaq* «время» = чув. *t's'ux* и др. (G. J. Ramstedt, Zur Frage nach der Stellung des tschuwassischen, «Jour. de la Société Finno-ougrienne», XXXVIII, 1, 1922—1923, §§ 7, 8).

⁴ С аналогичным явлением мы встречаемся и в других древнечувашских заимствованиях, встречающихся только в удмуртском языке: если в чувашском языке стоит редуцированный гласный, соответствующий узкому гласному других тюркских языков, то в урсугуртском диалекте удмуртского языка мы обычно имеем *ü* (правда, бывают отдельные исключения): 1) удм., урс. *б'ус* «туман, дымка, пар» < чув. *pus*, *pus* (Зол.); башк. *büs*, алтайск. *pus*, османск. *pus*; кому *бус* «пыль» следует считать русским заимствованием (Вихм.); 2) удм., урс. *к'ө'до* «свати» < чув. *хө'Да* (Ашм.), *xudi* (Алькв.); татар. *koda* (*kodo*), кирг. *kuda* (Вихм.); 3) удм., урс. *к'ө'но* «гость» < чув. *х'на* (Ашм.); татар., башк. *к'унак*, османск. *koni* (Вихм.); 4) удм., урс. *ч'й'чо* «боялочка в углах рта» < чув. *t's'ü* *t's'ü* (Ашм.); мишарск. диал. **с'с'ö* (Вихм.).

Нужно сказать, что словарные заимствования могли бы иногда внести ясность при разрешении весьма запутанных вопросов вокализма пермских языков. К сожалению, исследователи этой проблемы (Д. В. Бубрих, В. Штейниц, автор рецензируемой работы и др.) не обращают должного внимания на этот ценный источник исторической фонетики.

Говорить о двух (закрытом и открытом) δ (δ) и ε общепермского языка у нас пока нет никаких оснований.

Второе наше замечание к общепермской таблице звуков, реконструируемых Э. Иткононом, заключается в следующем. Э. Итконен считает общепермские \mathfrak{y} (\mathfrak{i}), δ (δ) и закрытое δ (δ) гласными среднего ряда, а звук a — гласным заднего

Положение языка при образовании гласных звуков удмуртского языка

ряда. Он удивляется, почему мы древнепермское a отнесли не к гласным заднего ряда, а к гласным среднего ряда. Классификация звуков древнепермского языка нами производилась на основании звуков современного коми-зырянского языка; предполагалось, что древнепермские звуки произносились приблизительно так же, как в современном языке. Современное же коми-зырянское a на слух не отличается от русского литературного a , а последнее обычно относят к гласным среднего ряда¹. Собственно, как показывают рентгено снимки, коми-зырянское a занимает среднее положение между гласными среднего (\mathfrak{y} , δ) и заднего ряда (δ , \mathfrak{y}), однако оно ближе к среднему ряду. Во всяком случае коми-зырянское a значительно более переднее, чем, например, английское a в слове *part*, считающееся гласным заднего ряда. Удмуртское a имеет более заднее образование, чем коми-зырянское — его можно отнести к заднему ряду. Не исключена возможность, что древнепермское a было тоже заднего ряда. Нообщее в удмуртском языке, но крайней мере в средних диалектах, так называемые гласные среднего ряда \mathfrak{y} (\mathfrak{i}) и δ (ε) являются звуками более заднего образования, чем в коми языке. О заднем образовании их ясно говорит прилагаемая нами таблица, на которой указано положение языка на основании рентгено снимков². Эта таблица свидетельствует также о том, что в современном удмуртском языке имеется налицо «двухрядная» система гласных: передние (\mathfrak{u} , ε) противопоставляются задним (\mathfrak{y} , δ , a , неогубленное δ , \mathfrak{y}). Может быть, такая двухрядная система была и в общепермском языке, а гласные среднего ряда развились позже и лишь в отдельных

Если же в чувашском языке стоит o — y (по диалектам), соответствующий широкому гласному других тюркских языков, то в урсыгуртском диалекте мы имеем \mathfrak{y} : 1) удм., урс. *букро* «навозный жук» < чув. *pukra* (Ашм.), *rozra* (Алькв.); татар. *bakra*, *bakura*, башк. *bakra* (Вихм.); 2) удм., урс. *бултор* «свояченица, вторая жена» < чув. *puDör*, *puDör* (Ашм.); татар. *balgyz*, башк. *balgyt*, кирг. *balgyz*, османск. *balgyz*, якутск. *balys* (Вихм.); 3) удм., урс. *бусь* «поле» < чув. *puz?*, *pozi* (Ашм.); татар. *basuy*, *basu*, башк. *baguy* (Вихм.); 4) удм., урс. *с'уло* «плеть» < чув. *s'ola* (Зол.); якутск. *talax* (Зол., Вихм.); 5) удм., урс. *с'ур* «с'ур-анай «мачеха» < чув. *s'uri* (Ашм.), *s'ora* (Зол.); татар. *jarly* (Вихм.); 6) удм., урс. *укс'о* «деньги» < чув. *uks'a* (Ашм.), *oks'a* (Зол.); татар., алт. *akö'a* (Вихм.); 7) удм., урс. *улошо* «мерин» < чув. **ulaša*, **olaša*; *laša* (Ашм.); татар., османск. *alaša* (Вихм.); 8) удм., урс. *уробо* < чув. *uraBa*, *oraBa* (Ашм.); татар., кирг., крымск. *arba*, османск. *araba*, *arba* (Вихм.).

¹ См., например, Р. И. А в а н с о в и В. Н. С и д о р о в, Очерк грамматики русского литературного языка, ч. I, М., 1945, стр. 22—23.

² Снимки были сделаны в 1954 г. в рентгеновском кабинете Тартуского университета под руководством проф. П. А. Аристе. Объектом была аспирантка-удмуртка АН СССР Т. И. Тепляшина родом из д. Малая Кизия Дебёского р-на Удм. АССР.

диалектах (преимущественно в коми) пермских языков под известным влиянием фонетики русского языка.

Звук *ö* (*ε*), встречающийся в коми-зырянских, коми-пермяцких и, повидимому, во всех удмуртских диалектах Удм. АССР и являющийся нелабиализованным (Д. В. Бубрих называет его слабо лабиализованным¹ по недоразумению), первоначально, безусловно, был лабиализованным и относился к гласным переднего ряда; лишь после утраты лабиализации он отодвинулся в своей артикуляции назад. Этот звук как лабиализованный гласный и теперь встречается в окраинных, архаических диалектах пермских языков (например, в коми-язьвинском, удмуртских диалектах Тат. АССР и некоторых других удмуртских говорах). Наши наблюдения показывают, что этот звук акустически очень близок к немецкому *ö*. Между прочим в этих же диалектах (коми-язьвинском и удмуртских Тат. АССР) встречается и другой лабиализованный гласный *ü*, близкий к немецкому *ü*. Знаменательно, что системы гласных этих двух диалектов, отделенных друг от друга тысячекilометровым пространством, абсолютно тождественны: в обоих диалектах имеются гласные *a, o, y, ö, ü, u, e*, огубленное *ö*. Это нельзя объяснить случайностью; повидимому, в этих диалектах сохранилась система гласных более ранней стадии развития. Интересно также отметить, что урсугуртские удмурты уже несколько сот лет живут изолированно от остальных удмуртов.

Третье наше замечание касается звука *ы*. Э. Итконен предполагает, что этот звук в общепермском языке был узким (верхнего подъема). Действительно, в современных коми-зырянских, коми-пермяцких и большинстве удмуртских диалектов этот звук является узким. Между тем в более а р х а и ч н ы х диалектах (коми-язьвинском, а также урсугуртском, глазовском, бесермянском, уфимском и некоторых других диалектах удмуртского языка) мы встречаем на месте *ы* звук заднего ряда нижнего подъема, обозначаемый нами вслед за Генеом буквой *ө* (Вихман обозначает его перевернутым *ы* — ?) Э. Итконен считает, что *ө* развилось из *ы*. Сама безударность этого звука, по мнению Итконена, указывает на то, что он некогда был узким (между прочим, в коми-язьвинском диалекте у з к и е гласные *и, у, ü* могут быть и ударными). Д. В. Бубрих тоже считал удмуртское диалектное *ө* вторичным, развившимся из *ы* в процессе ослабления произношения, редукции его; «с этим связано понижение образования *ы*»². Нам непонятно, почему такая редукция *ы* произошла именно в архаичных, окраинных диалектах, в значительной мере изолированных от говоров основной массы населения? А не лучше ли предположить, что звук *ө* был более первичным?

Вопрос о редуцированных гласных общекоми языка требует дальнейшего исследования. Может быть, действительно нужно говорить не о редуцированных гласных, а о количественных различиях иного порядка, имевших место в системе гласных общекоми (а, может быть, и общепермского) языка. Система ударения коми-язьвинского диалекта во всяком случае требует своего объяснения. Кстати, не было ли в общепермском (а, может быть, и общепермском) языке-основе ударение свободным, нефиксированным, аналогичным эрзя-мордовскому и коми-зырянскому ударению? Нефиксированное ударение служит хорошей почвой для развития самых разнообразных типов ударения (под влиянием соседних языков, под влиянием количественных и качественных изменений в составе гласных звуков и т. д.), что мы и наблюдаем в современных финно-угорских языках. Вопрос акцентуации является весьма сложным, он требует специального исследования, в первую очередь изучения истории ударения в каждом отдельном языке. Без учета исторической акцентуации отдельных финно-угорских языков голое сравнение системы ударения современных финно-угорских языков вряд ли даст какие-нибудь положительные результаты для реконструкции ударения финно-угорского языка-основы, ибо система ударения большинства современных финно-угорских языков, повидимому, представляет собой продукт позднейшего развития.

В вопросах исторической фонетики пермских языков еще очень много неясного. Нам, например, до сих пор не ясна история начального зыр. *eo-* (в.-сис. *ö-*), перм. *o-*, к.-язв. *ü-*. Мы в свое время пытались объяснить появление начального *e-* в зырянских диалектах дифтонгизацией закрытого *ö-* (*ö-* > *üö-* > *eo-*), а отсутствие начального *e-* — отсутствием такой дифтонгизации. Однако нам было неясно, почему в одних случаях произошла дифтонгизация, а в других — нет. При этом мы пытались дифтонгизацию увязать с местом ударения. Все это делалось нами сугубо предположительно. Э. Итконен называет это предположение теорией Лыткина (см. стр. 283). Между тем этому вопросу нами посвящено было лишь несколько строк, оканчивающихся словами «однако трудно сказать что-нибудь определенное»³.

¹ См. Д. В. Бубрих, Историческая фонетика удмуртского языка, Ижевск, 1948, стр. 18.

² Там же.

³ В. И. Лыткин, Древнепермский язык, М., 1952, стр. 99.

Начальное *e-* в словах типа зыр. *вожэ* ~ перм. *оис* «оглобля», зыр. *вом* ~ перм. *ом* «рот» двойного происхождения: в одних случаях оно восходит к общепермскому **ǔb-*, а в других — к закрытому **ǔ̂-*. В следующих словах, например, начальное *e-* восходит к неслоговому *ǔ* (в коми-пермяцких, коми-язвинских и верхнесольском диалектах оно не сохранилось): к.-зыр. *во* «год», *вольбс* «подстилка», *вомбн* «поперёк», *вожэ* «оглобля», *вороп* «черенок», к.-язв. *ǔти-* «зарыть». В начале этих слов мы видим следующее закономерное соответствие звуков:

* <i>ǔ̂-</i>	→ верхнесольский говор	<i>ǔ-</i>
	→ остальные коми-зырянские диалекты (в том числе удорск.)	<i>во</i> < * <i>ǔ̂-</i>
	→ коми-пермяцкие диалекты	<i>o-</i>
	→ коми-язвинские диалекты	<i>ǔ-</i>
	→ удмуртские центральные диалекты	<i>ва-</i>
	→ удмуртские окраинные диалекты	<i>ǔа-</i>

В следующих словах начальное *e-*, встречающееся только в коми-зырянских диалектах, является новообразованием, возникшим в процессе утраты закрытого лабиализованного *ǔ̂-*, стоявшего в абсолютном начале слова: 1) *вом* «рот», *вом* «полог», *вош-* «заблудиться», *вос-* «тошнить»; 2) *вошьков* «шаг», *вошт-* «открыть», *водз-* «перед», *войтыр* «народ». В начале этих слов мы видим совершенно иное звуковое соответствие (в первых четырех примерах в к.-язв. стоит *ǔ̂-*, в остальных *ǔ-*).

* <i>ǔ̂-</i>	→ удорский диалект	<i>вǔ-</i>
	→ верхнесольский диалект	<i>ǔ̂-</i>
	→ остальные коми-зырянские диалекты	<i>во-</i>
	→ древнепермский язык	<i>уǔ-</i> (= <i>ǔǔ-</i>)
	→ коми-пермяцкие диалекты	<i>ǔ-</i>
	→ коми-язвинский диалект	<i>ǔ̂-</i> (<i>ǔ-</i>)
	→ удмуртский язык	<i>ы-</i> (<i>ǔ, у, а</i>)

В словах второй группы (*вошьков*, *вошт-*, *водз-*, *войтыр*) после гласного первого слога стоит мягкий согласный, под влиянием которого в тех диалектах общекоми языка, от которых произошли современные коми-зырянское и коми-пермяцкое наречия, общекоми гласный заднего ряда **ǔ-* перешел в закрытый гласный средне-переднего ряда **ǔ̂-*.

Во всех этих словах (*вом*, *вом*, *вош-*, *вос-*, *вошьков*, *вошт-*, *водз-*, *войтыр*) коми-зырянских диалектов (кроме верхнесольского) начальное *e-* выработалось в процессе исчезновения фонемы закрытого гласного средне-переднего ряда (*ǔ̂*). Такое объяснение происхождения начального *e-* рассмотренных слов стоит близко к теории Т. Е. Уотила¹, с которой согласен и автор рецензируемой работы.

Мы коснулись в своей рецензии некоторых спорных вопросов пермского вокализма. В целом работа Э. Итконена представляет большую ценность. Автор рецензируемой работы весьма эрудированный исследователь, прекрасно знающий фактический языковой материал (в своей работе он оперирует 442 этимологиями!), и многие выводы его являются оригинальными и весьма интересными.

В. И. Лыткин

¹ См. Т. Е. Uotila, Zur Geschichte der Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki, 1933, стр. 57—70.